

ДРУЖБА НАРОДОВ

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

11

Ноябрь

1960

слабости. Так, например, престарелый мудрейший Сапсико становится вдруг болтуном, нытиком и пьяницей.

У героев, как повелось, должны быть достаточно сильные враги. Но Саго и его товарищи «подняты» настолько, что им все нипочем.

Почему же в книге так смещены плоскости и нарушены реальные соотношения?

Повесть «Наш друг Саго» и почти все рассказы, вошедшие в книгу — свидетельство тому, что осетинская проза еще очень крепкими нитями связана с народным творчеством, с традиционной манерой высокого, романтического изображения положительного героя. Отсюда и те трудности, которые встают перед писателями, когда они обращаются к изображению современной жизни. Не избежал этих трудностей и М. Цагарев. Основной недостаток его повести, на мой взгляд, в том, что ее герой оказывается оторванным от реальной жизни. Отсюда разрушение художественного единства повести, а, следовательно, и ее правды. Сначала этот разрыв почти неощутим — Саго действительно прекрасный мастер и народный любимец. Но вот — война. И Саго теряет под собой почву: автору поневоле приходится описывать многие события, людей, быт, привычки в реалистическом ключе, а Саго — в романтическом. Реальные жизненные трудности разрешаются, как в сказке, вмешательством героя.

Чрезмерная близость к фольклорной манере придала повествованию несколько условный характер, но эта же близость подсказала автору обороты речи, каких не встретишь у писателя другой национальности, например: «усы у него густые — они словно крючки, на которых осетины подвешивают к потолку сало». Таких примеров можно привести немало. Яркий метафорический язык повести — несомненное достоинство книги.

Кроме «Нашего друга Саго» в сборник вошло несколько рассказов на различные темы. Лучшие из них «Рождение песни» и «Ацырухс». Писатель и здесь остается верен своему приподнятому стилю, но в данном случае это отвечает содержанию.

«Ацырухс» — имя девушки — в переводе на русский значит «Свет». Сказка повторяет известную горьковскую легенду о Данко. Маленькому народу пришлось уходить от поработителей через горы. Для спасения народа нужна была жизнь самой красивой девушки, и она отдала ее. Скалы широко

раздвинулись и открыли путь. Рассказ написан очень поэтично. Здесь много сказочности, много от народного творчества, отчетливо звучат восточные интонации.

Итак, писатель любит рассказывать о людях поэтичных, цельных, народных любимцах. Там, где он сочетает реалистическое изображение с национальной традицией, где он национален не только в использовании устоявшихся приемов и где современен не внешне, там, на этом пути, писателя ждет удача.

С. ШЕВЕЛЕВ

ВСТРЕЧА С ХОРОШИМ ПАРНЕМ

Рыгор Бородулин Месяц над степью. Стихи.
На белорусском языке. Минск, 1959

Белорусская критика года три назад открыла поэтический талант Рыгора Бородулина — тогда еще студента Белорусского государственного университета. Неоднократно просеивались стихи Бородулина на ре-

шетах критических вкусов, отбирались зернышки ярких образов, подвергались анализу поэтические формы стиха.

О герое стихов Бородулина говорилось обычно: «Молод, жизнерадостен, по-своему видит мир», но как именно видит — вот загадка! Здесь мы ее, конечно, не решим, но и еще одна попытка может быть полезной.

Уловить сущность лирического героя стихов Бородулина довольно легко, но определить трудно: это положительный характер советского молодого человека, а о нем так много написано... К тому же в лирике характер раскрывается в каком-то одном, главном его проявлении. Здесь это эмоциональный лад души. Все остальные черточки человеческого облика героя раскрываются в подтексте.

Герой стихотворений Бородулина кажется нам замечательным парнем. Он чуток, искренен, бесхитроуен, чист сердцем и в то

же время умен, шутлив, порой остер. Доверчив к людям, поэтому вызывает доверие к себе. С ним будет приятно и легко дружить.

Приятно потому, что наш знакомый никогда не возвышает голоса, не негодует и не возмущается. Ему, вероятно, еще не случалось бывать в трудных ситуациях, ошибаться, мучить себя раскаянием. Бывали кое-какие оплошности, но он не настолько щепетилен, чтобы из-за них казнить себя. Еще в школе он симпатизировал девушке, а все об этом узнали. И вот она выходит замуж за другого. Друзья в шутку надевают на голову «отставного кавалера» венки из гороха, а он: «Пусть надевают, мне не очень страшно...»

Правда, в детстве парень много страдал; быть может, от боли и обиды на судьбу впервые проснулась и забила в стихе его душа. Однако в этих страданиях не было чувства собственной вины, и они очистились со временем. С грустной улыбкой вспоминает студент, как когда-то соседские мальчишки в споре грозились ему отцами, а он еле сдерживал слезы: его отец не вернулся с фронта.

Я не плакал всем назло,
В доме был единственный мужчина.
Ты не возвращался...
Молодость матери
Все глубже запахивали морщины.

Рано научившись владеть собой, герой Бородулина ведет себя скромно и в то же время достойно. Душевное благородство в сочетании со скромностью — вот в чем кроется обаяние лирического героя. Эти качества, как мне кажется, определяют не только своеобразие его облика, но в какой-то мере и своеобразие белорусского национального характера. Вспомним образы народных интеллигентов, созданные Якубом Коласом.

Своего героя Бородулин проводит по тем нелегким жизненным тропам, которые лежат перед сегодняшней молодежью. Тропы эти — ученье и труд, труд и ученье. И в том, и в другом он находит настоящую радость. Темы школьной дружбы, студенческого житья-бытья и пафос труда на целине составляют содержание первого сборника. Нашей белорусской молодежи особенно полюбили такие стихотворения, как «Именины», «Настина кухня», «Рассветов я с тобою не встречал».

В последние годы поэт начинает обживать новые дали: раздел сборника «Мои братья, мои соседи...» включает путевые стихи, созданные под впечатлением поездок в Польшу и Литву. Бородулин ездил вслед за такими мастерами слова, как Танк, Панченко, Велюгин, но сумел рассказать о том же, не повторяя других. Еще ярче это видно в исконной теме «родного угла», которая, на наш взгляд, оказалась самой задушевной темой сборника.

Традиционные темы можно считать пробным камнем таланта. В таких стихотворениях, как «Письмо из дому», «Дома», «В родной лате», Бородулин не попадает в плен есенинских мотивов. Возвращаясь из близких и дальних путешествий, герой не чувствует душевной усталости. За родным порогом не тихая обитель, не прибежище от всех бед и горестей, а родной очаг, дающий силу и радость. Будущее манит его, парень жадно ловит призывы жизни.

Жизнерадостное мироощущение радуется в стихах Бородулина и в то же время несколько настораживает. Настораживает потому, что оно не может не быть односторонним. Поэтому его как поэта характеризует не столько пронизательность, зоркость взгляда, сколько богатство фантазии. Обычные отношения порождают необычные сравнения и метафоры: звезды, взшедшие над полевой кухней Насти в целинной степи, — это кристаллы соли, готовые упасть в котел, чтобы выручить неопытного повара; в другой раз звезды спешат в круг танцующих целинников и «от нетерпения в дороге сторают»: В необычные ракурсы ставит поэт все традиционно-поэтические символы — луну, ветер, солнце.

Но в чем же односторонность горячего, бурного восприятия жизни молодым поэтом? В том, что почти везде и всюду поэт славит красоту нового вне связи и борьбы со старым. Драматизм этой борьбы не находит в нем глубокого отклика. Его герой любит радугой, перепоясавшей, словно орденская лента, небо над развалинами Брестской крепости. Это любование захватывает его настолько, что оттесняет всплывающие в памяти картины трагической обороны Бреста, ради которых и написано это стихотворение. Трагедия оккупации в стихотворении «Баллада о матери», воссозданная автором в стилизованно фольклорной форме, звучит тоже наивно и неубедительно.

Юноша словно захвачен радостью открытия мира. Растущий человек среди веселой тайны растущего мира — так воспринимается эмоциональная тема сборника Бородулина. Мы знаем, придет пора возмужания поэта, и, когда бы это ни произошло, в душе его лирического героя не будет ни суетного смятения, ни желчи, ни мелкой злобы. Вот почему герой Бородулина не заслуживает упреков в благодушии: мы чувствуем в нем скрытую большую и веселую внутреннюю силу.

Минск

В. КОЛЕСНИК

ЗАПАХ ЗЕМЛИ РОДНОЙ...

Десанка Максимович. Запах земли. Стихи. Переводы с сербо-хорватского. М., Государственное издательство художественной литературы, 1960.

Стоит заговорить с сербом о поэзии Десанки Максимович, как тотчас же на лице его появится теплая улыбка, и, будь то любитель классической поэзии или готовый спорить часами яростный приверженец модернистов, он закивает головой

и скажет: «Лепо!», что означает «Хорошо!».

Десанка Максимович не молода. Прошло почти сорок лет с тех пор, как появились ее первые стихи, своей самобытностью и искренностью сразу привлекая внимание читателей и критиков. И в поэзии и в жизни Десанка Максимович шла своим путем, пела своим голосом. В тяжелые предвоенные годы в творчестве поэтессы проскальзывали нотки отчаяния, ей было душно в монархической Югославии. И тогда в стихотворении «Голос монахини» появились строки: «И дела нет мне до того, что в мире происходит... Не знаю я, проходят ли века или минуты...» Но грянувшие события заставили Десанку Максимович стать в ряды борцов. Героическая борьба югославских партизан против захватчиков пробудила ее к новому творчеству, поэтесса отдала свое перо на службу народу.

Уже много позже, в 1945 году, она с горечью писала, вспоминая свои прежние переживания, заслонившие от нее на время жизнь ее народа:

Дни, потерянные навеки,
позором меня заклемили...

(«Покаяние». Перевод М. Павловой)

Эта переключка стихотворений, разделенных десятилетием, как нельзя лучше отражала судьбу тех передовых югославских интеллигентов, которые в самое суровое для родины время нашли в себе силы пойти вместе с народом. В годы войны стихи Десанки Максимович звучали тревожно, взволнованно, они звали, будили, поднимали:

Восстане, словно вода половодья,
гремит повсюду.
В теченье только единой ночи
случилось чудо:
безусые мальчики, бросив игрушки,
стали бойцами,
могучие крылья раскрыли орлята,
что были птенцами...

(«Сказка о повстанческом ружье».
Перевод В. Виноградова).

Строй стихов этих лет напоминает строй сербского героического эпоса, создававшегося народом, вся история которого — это борьба против иноземных поработителей.

Отгремела война, и в стихах поэтессы-патриотки появились новые мотивы. Глубокая скорбь о жертвах войны сменяется верой в силы народа, способного перенести все потрясения и построить лучшее будущее. Появляются замечательные стихи «Матерям», «Хлеб месят» и другие.

«Здоровому яблоку не страшен ураган, червивое же яблоко падает от малейшего дуновения», — говорят сербы. Сила поэзии Десанки Максимович в ее неразрывной связи с думами и чаяниями народа.

Едва ли не самое значительное место в поэзии Десанки Максимович занимает тема родины, родного края, села, в котором родилась и выросла поэтесса. Дочь сельского учителя, она хорошо знает жизнь крестьян, их думы, устремления, их язык. С полным правом она может сказать о себе:

Когда слагаю песни о деревне,
стоят крестьяне за любым стихом.
Любой рассвет, изображенный мной,
по-сельски пахнет молоком и сеном.
Я детство провела среди крестьян,
и мне естественно писать о них...

(«Ответ современнику». Перевод Б. Слуцкого).